

~~75~~  
с 42

Р32667



**БОРОВИКОВСКИЙ**

**МАССОВАЯ БИБЛИОТЕКА**

**ИСКУССТВО**





М. И. Лопухина

А. М. СКВОРЦОВ

БОРОВИКОВСКИЙ  
ВЛАДИМИР ЛУКИЧ

*1757—1825*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
„ИСКУССТВО“  
*Москва 1944 Ленинград*

Редактор      Леонов

---

Подписано к печати 4.III 1934 г.  
ЛЗ:505. Тираж 1-000 экз. Печ. л.  
 $1\frac{1}{2}$  +  $1\frac{1}{4}$  мал. Усл. изд. л. 0,793.  
Знаков в 1 п. л. 52-00. „Искусство“  
№ 102-8

---

Цена 1 рубль

---

Тип. „Красный печатник“ Гос.  
издательства „Искусство“,  
Москва, ул. 25 Октября, 5.  
Заказ № 71.

Обложка художника Б. Капцова

---

Владимир Лукич Боровиковский родился в ополетизированном Гоголем тихом украинском городке Миргороде. Его отец, дядя и три младших брата были, как и он сам, иконописцами. По всем данным начальные познания в живописи будущий художник получил от отца.

Его жизнь до тридцатилетнего возраста, за исключением короткого срока военной службы, из которой он вышел в отставку в чине поручика, протекала в Миргороде в трудах по писанию иконостасов в окрестных церквях. Немного времени спустя провинциальный иконописец выходит на широкую дорогу.

В 1787 году Екатерина II предприняла путешествие в Крым. В местах остановок для царицы воздвигали специальные дома и даже дворцы, стены и потолки которых покрывались росписью. Боровиковскому было поручено украсить живописью стены такого временного дворца в городе Кременчуге. На одной из картин он представил Екатерину в виде богини мудрости Минервы, а перед нею — семь греческих мудрецов, слушающих объяснение «Наказа». На другой был изображен Петр I, вспахивающий землю. За ним следовала Екатерина, сеющая семена. Вспаханную и засеянную землю боронили два крылатых гения — ее внуки, великие князья Александр и Константин.

Эти картины, не сохранившиеся до нашего времени, представляли собой обычные для восемнадцатого века хвалебные аллегории, но они понравились царице, и она предложила художнику ехать учиться в Петербург.

Так определился поворот в жизни Боровиковского.

Первым его учителем в Петербурге был знаменитый Д. Г. Левицкий, в это время уже значительно состарившийся и полузабытый. В начале девяностых годов восемнадцатого века в Петербург приехал итальянский художник Лампин-старший, сразу вошедший в моду в придворном обществе. Где и как познакомился Боровиковский с этим художником — неизвестно, но вскоре он появляется в мастерской Лампы в качестве ученика.

Лампин, как и большинство художников-иностранцев, приезжавших в Россию в восемнадцатом веке, умел придавать портретам внешний блеск, но скользил лишь по поверхности явлений и не мог взглянуть глубже, не пытался раскрыть характер человека. Русские же живописцы, в особенности Левицкий и Боровиковский, несмотря на предъявляемые к ним требования приукрашивать модель, исправлять неприятные ее черты, умели видеть и передавать внутренний мир человека.

Уже к половине девяностых годов Боровиковский приобретает опромную популярность и создает целый ряд портретов представителей современного ему дворянского общества.

Академия художеств вынуждена была признать его заслуги и в 1796 году сделать его академиком. Звания же профессора ни он, ни Левицкий так и



Князь А. Б. Куракин





Муртаза-Кули-хан

не получили, ибо портретная живопись в те времена считалась второстепенным родом искусства. Более полное признание Боровиковский получил только в 1802 году, по исполнении царских портретов, когда ему присвоили звание советника портретной живописи. В том же году ему дали заказ по украшению Михайловского (ныне Инженерного) замка в Ленинграде, а через шесть лет он работал над иконостасом Казанского собора. Все это свидетельствует о необычайном его успехе.

Внешних фактов биографии этого исключительно скромного художника сохранилось мало.

В Петербурге Боровиковский поселился в «Почтовом стану» (там, где сейчас находится Лепинградский почтамт), а спустя несколько лет переехал на Миллионную, в мастерскую, которую уступил ему уехавший Лампи. Там прожил он до своей смерти, «пережив хозяйку и хозяина и многих, многих из моих родных и здешних моих друзей и приятелей», как пишет он в письме к племяннику в 1814 году.

Он был холост и в начале своей жизни в Петербурге воспитывал племянника, сына своей сестры, который оставался при нем, пока не уехал в Севастополь. После этого он приютил у себя пять учеников, среди которых был прославившийся впоследствии живописец Венецианов.

Все его время проходило в занятиях искусством. «Одно скажу вам, — пишет он в письме к родным, — что я занят трудами моими непрерывно. Мне потерять час, ей-ей, составляет

великое в занятиях моих расстройство». Посылая племяннику билет на получение журнала «Сын отечества», он говорит: «А я не имею времени читать его».

Круг близких ему людей был крайне ограничен. Кроме учеников, к нему заходил, обычно по субботам, архитектор Казанского собора Филиппов, ближайший сосед, некий Острожский, заходили приезжавшие земляки, и тогда начинались воспоминания об Украине. Художник играл на старинных, дедовских гуслях украинские песни. Он тосковал по далекой родине и писал родным: «...постараюсь посетить Миргород, и остануся остаток дней жизни проводить вместе с вами и всеми родными и приятелями». В письме к брату в 1797 году он пишет: «Компанию мою обязанности, сердечно желаю остаток дней препроводить с вами и всеми родными нашими».

Но все это — небыточные мечты. Через шестнадцать лет после своего отъезда из Миргорода он пишет родным: «Я представляю себе, что вы уже состарились. Мне уже сорок седьмой год в течении. Сколько-то вам — не знаю. Хотел бы знать. Будущее неизвестно. Уявлялися ли...»

В этих же письмах видны постоянные его заботы о родных, оставленных на Украине. Его беспокоит участь сирот, детей его умершего брата Василия Луквича, и он ищет распоряжения, как поступить с ними и употребить его долю имущества в их пользу.

Образ художника рисуется нам мечтательным. Его мягкий характер, очевидно, очень подходил к общему настроению эпохи с ее культом чувств,

так ярко выразившимся в охватившем широкие общественные круги сентиментализме.

Боровиковский в своем портретном творчестве стоит на грани двух эпох. С одной стороны, он еще художник восемнадцатого века в своих парадных портретах, несущих придворный характер. С другой, главным образом, в изображениях женщин, он уже предтеча нового времени, открывающий пути романтизму. Эта сторона его творчества выражает трогательное лирическое начало.

В 1796 году Боровиковский пишет парадный портрет Муртаза-Кули-хана, брата персидского шаха Ага-Магомета. В одном из своих писем к Гримму Екатерина II говорит о хане: «Приблизительно около месяца у нас гостит персидский принц Муртаза-Кули-хан, лишенный братом своим Ага-Магометом владений и спасшийся в Россию. Это человек добродушный и предупредительный. Он попросил осмотреть Эрмитаж; он прозел там три или четыре часа подряд, рассматривая все, что там находится, и смотрит на все как настоящий знаток; все, что наиболее прекрасно в каком бы то ни было роде, поражает его, и ничто не ускользает от его внимания. Он захотел посмотреть, как гравировать и пишут красками, ему доставили это удовольствие, и вот он провел несколько часов возле гравера и живописца. Он посетил «ложу Рафаэля» и говорил о библии, замечая повсюду на плафонах и во всех сюжетах происшествия из Ветхого завета... Его замечания всегда правильны и чрезвычайно здравы».

Художник изобразил этого персидского изгнан-

ника, любителя искусства, стоящим на фоне пейзажа, где вдали, у подножия гор, виден дворец. На заднем плане — свита из трех персиян. Один из них держит под уздцы коня.

Богатые одежды принца дают комбинацию самых невероятных красочных сочетаний: лиловый халат, пестрая шаль, обвивающая шанку, парчевая шуба на собольем меху, красные чуваки, зеленые туфли. Но эта пестрота красок приведена художником в такую прекрасную гармонию, какая редко встречается на лучших европейских портретах.

Роскошь одежд — шелк, бархат, собольи мех, драгоценные камни и другие детали костюма написаны с такой поразительно искусной передачей материалов, что свидетельствуют о несомненном ученичестве у Левицкого, в своих портретах в совершенстве умевшего изображать материальность предметов.

Вместе со всем богатством деталей костюма и обстановки они не заслоняют главного в портрете — лица, на котором автор сосредоточил все свое внимание. Художник дает интересную характеристику персидского принца, вполне совпадающую с той, какая дошла до нас в письме Екатерины. У него вдумчивое лицо восточного типа с проищательным взглядом. Смотри на него, веришь, что у этого человека «замечания всегда правильны и чрезвычайно здравы».

Еще более блеска, какого-то абсолютного, никем не превзойденного совершенства, в парадном портрете князя А. Б. Куракина (исполнен около 1800 года).



Сестры А. Г. и В. Г. Гагарины



М. А. Орлова-Денисова

Куракин стоит, опираясь на стол, на котором водружен мраморный бюст его покровителя, императора Павла. Правая часть картины уравновешивается слева изображением массивной драпировки, обвивающей колонну, и открывающейся перспективой на Михайловский замок. Труднейшая композиция разрешена с полным совершенством.

В отношении красочных сочетаний художник справился здесь с еще более невероятными сопоставлениями больших пятен желтого шелкового камзола, черного бархата мальтийской рыцарской мантии, зеленой драпировки и малиновой скатерти, покрывающей стол. Все это приведено здесь в гармонию. Вместе с этим заставить так играть бриллианты и серебро галуна на желтом камзоле мог только огромный мастер, превосшедший в живописном мастерстве знаменитейших художников-иностранцев, работавших тогда в России.

Несмотря на весь живописный блеск деталей, они ни на одну минуту не отвлекают от головы князя. Глаза его встречают наш взор, с какой-бы точки зрения мы не смотрели на портрет. Портрет великолепно характеризует надменного сановника, сосланного Екатериной за его близость к ее нелюбимому наследнику Павлу в куракинские саратовские имения. Там, у себя в усадьбе, он, наподобие владетельного князя, завел пышный двор.

Вместе с тем Куракин был умелым дипломатом, и впоследствии Александр I давал ему важные поручения. Так, при его участии был заключен Тильзитский мир с Наполеоном, а с 1809 по



1812 год он был русским послом в Париже.

Барыковский превосходно понял и передал титаническую натуру князя, его надменность и ум и сохранил в улыбке притворную приветливость испытанного дипломата.

В ином роде изобразил художник знаменитого поэта Гавриила Романовича Державина, творчество которого было наиболее ярким выражением русской поэтической культуры восемнадцатого века.

Державин — «бич величия», по выражению Пушкина, «певец величия», как называл его Гоголь, — обладал огромным и простым умом. «Ум Державина, — писал Белинский, — был ум русский, положительный, чуждый мистицизма и таинственности. Его стихией и торжеством была природа: внешняя, а господствующим чувством — патриотизм».

На протяжении всей жизни Державин неустанно отражал в своем поэтическом творчестве славу и величие своей страны, воспевав свою эпоху, богатую подвигами замечательных русских полководцев и доблестью русского войска.

О, русская грудь непоколебима!  
Твердейшая горы стена.  
Скорей ты ляжешь трупом зряма,  
Чем будешь кем побеждена.

Дратменное поэтическое намерение Державина послужило школой для молодого Пушкина.

Преклонение перед ним вызвало следующие строфы у поэта-декабриста Рылеева:

Не умер пламенный певец:  
Он пел и славил Русь святую!  
Он выше всех на свете благ  
Общественное благо ставил  
И в огненных своих стихах  
Святую добродетель славил.

Боровиковский написал портрет Державина (1795 г.) в духе традиций восемнадцатого века, когда портретируемое лицо представлялось с атрибутами своего общественного положения и деятельности: полководцы изображались с маршальским жезлом в руке и на фоне сражений, государственные деятели — в своих кабинетах с деловыми бумагами.

Согласно этому поэт изображен здесь в своем кабинете, у письменного стола, на котором стоит чернильница с пером и лежат рукописи. Фоном служат библиотечные шкафы с книгами. Поэт одет в мундир с лентами и орденами.

Несмотря на эту внешнюю приукрашенность, Державин все же характеризуется тонкими, интимными чертами, изображен в рабочей обстановке, за своими привычными занятиями.

Особенно известен Боровиковский своими женскими портретами, в которых, с одной стороны, сказывается его мастерство как живописца, а с другой — проявляется новое, своеобразное понимание русской женщины его времени.

Портреты Боровиковского замечательны тем, что раскрывают образ русской женщины и поднимают его на исключительную духовную высоту. Обаятельная душевность и теплота, свойственные всем

женским образам художника, являются типическим отпечатком русской жизни с присущей ей национальной самобытностью. Эти отличительные свойства характера русской женщины Боровиковский сумел рассмотреть в тончайших интимных переживаниях своих моделей.

Сколько непринужденной грации и трогательной простоты сосредоточено хотя бы в портрете сестер Гагариных! Сидящие на фоне зелени сада с музыкальными инструментами и нотами в руках, они являют нам образ непревзойденной духовной прелести, той красоты, в которой впоследствии наш великий национальный поэт, А. С. Пушкин нашел черты для своей Татьяны и Ольги.

Боровиковский делает дальнейший шаг в раскрытии образа русской женщины, являясь продолжателем великих русских художников XVIII века — Лейбница и Рокотова.

Женщины Боровиковского с присущей им мечтательностью и задумчивостью отражают настроения русского общества времени сентиментализма.

Сентиментализм в России возник аналогично соответствующему литературному течению Западной Европы. В русской литературе и искусстве сентиментализм вплоть до событий Отечественной войны 1812 года является выражением наиболее гуманных, передовых идеалов русского общества того времени. В чувствительных повестях Карамзина, в его восхвалениях простой, неприязнительной нравственной жизни и в идиллических описаниях природы заключается то новое, что выражало лучшие стремления его современников. Гу-



Г. Р. Державин



Торжковская крестьянка  
Христина

манный, мягкий колорит этих повестей заставлял читателей и особенно читательниц проливать слезы над «Бедной Лизой» и мечтать о лучшей жизни.

На первый взгляд женские портреты Боровиковского кажутся похожими друг на друга. Постановка фигуры, поза повторяют одна другую, с очень небольшими вариантами. Руки или сложены на груди или одна опирается на колонну, другая беспомощно опущена вдоль тела. Голова обычно мечтательно склонена набок, разрез и постановка расширенных глаз — одинаковы. Лица с удлинненным овалом — бледны, с несколько меланхолическим взглядом и полными губами. Женщины Боровиковского позируют чаще всего в одной и той же обстановке — среди зелени сада, «сельской природы». На груди или в руке — цветок, чаще всего роза, или яблоко, иногда руки поддерживают прильнувшего к матери ребенка. Все одеты в одинаковые платья античного покроя.

Лирическим настроением овеяно одно из лучших творений Боровиковского — портрет М. И. Лопухиной (1797 г.). Погруженная в мечту, полная задумчивой грусти, задумчивая, она рассеянно глядит вдаль.

Краски портрета глубоко соответствуют мечтательной лирике образа Лопухиной. Портрет построен на симфонии блекло-серебристых, тускло-голубых, нежно-палевых, жемчужно-серебристых тонов, пронизанных голубоватыми рефlekсами.

В противоположность рассмотренным мужским

портретам, писанным яркими красками, здесь все построено на тончайших переходах и полутонах. Его пейзажные фоны — зелень листвы, как знак природы, к которой устремлялись все чувствительные сердца, — так же легки и прозрачны, как легки и воздушны ткани одежд его женских моделей.

С некоторыми вариантами это живописное построение свойственно всем женским портретам Боровиковского девяностых годов.

В более поздних портретах начинает замечаться большая строгость, воплощающаяся в совершенных линиях портрета сестер А. Г. и В. Г. Гagarиных (1802 г.) но смягчаемая очаровательным сочетанием серого платья, розовой шали и нотной бумаги.

К этого рода портретам надо причислить и несколько более яркую М. А. Орлову-Денисову (1801 г.).

Семейные добродетели, запечатлеть которые в голову не пришло бы людям восемнадцатого века, играют заметную роль в портретах Боровиковского. Таков портрет А. И. Бозбородко, обнимающей своих двух дочерей (1803 г.). У младшей из них в руке медальон с портретом брата.

Женщины Боровиковского лишены интересных биографий, о многих из них совсем ничего неизвестно, но по его портретам мы постигаем дух и поэзию эпохи.

Вот стихотворение Я. П. Полонского, обращенное к портрету Лопухиной.

Она давно прошла, и нет уже тех глаз  
И той улыбки нет, что молча выражали

Страданье — тень любви, и мысли — тень печали,  
Но красоте ее Боровиковский спас.  
Так часть души ее от нас не улетела,  
И будет этот взгляд и эта прелесть тела  
К ней равнодушное потомство привлекать,  
Уча его любить, страдать, прощать, молчать.

Значительную творческую эволюцию мастер переживает в первое десятилетие девятнадцатого века. Он усиливает значение линий, причем форма во многом теряет свою прежнюю живописность. Контуры приобретают большую строгость, четкость и резкость.

Эти изменения отражают приближение эпохи 1812 года и того стиля, который принято называть классицизмом. Портреты этого периода отличаются мастерством рисунка, но они значительно суше и холоднее, в них нет той поэзии, какой овеяны его более ранние произведения.

Типичным произведением этого периода является портрет жены Державина Д. А. Державиной (1813 г.) на фоне их имени «Званка».

Здесь в пейзаже совсем улетучилась та легкость и воздушность листвы, какая была присуща фонам портретов девяностых годов. В общем портрет суховат, жесток по цвету, а застывшее условное движение фигуры соответствует строгости классицизма.

Особняком в творчестве Боровиковского стоит приписываемая ему «Аллегория зимы» — тип старика-крестьянина, греющего руки над огнем, «Торжковская крестьянка Христина» — портрет молодой женщины в кокошнике и сарафане, реалистический портрет дворецкого в имени Тро-



щинского. Может быть, эти произведения послужили толчком его ученику Венецианову в решении последнего посвятить свою творческую деятельность изображению крестьянской жизни.

В истории русского и европейского искусства творчество Борогиковского занимает высокое место. Его лучшие образы, овеянные задушевной поэзией, выдерживают сравнение с живописью лучших европейских мастеров портрета. Первоклассные качества живописного мастерства Борогиковского, проявленные им в парадных портретах и тончайшая живописная гармония, сопровождающая его лирические женские образы, выдвигают его на одно из первых мест среди художников восемнадцатого века.